

ИОСИФУ СТАЛИНУ — 140!

Рис. Геннадия ЖИВОВА

1934 год. Москва. Казалось, Сталин и Коллонтай — были совершенно разными людьми. Он — выходец из социальных низов далёкой имперской окраины, а она — из богатой дворянской семьи Петербурга. Он — принципиальный, убеждённый марксист, а она в молодости — скорее искренний бунтарь и спонтанный борец за справедливость. В повседневной жизни Сталин представлял собой традиционалиста и консерватора, а Александру Михайловну — во всяком случае, до середины 20-х годов — считали примером "числорвергателя устоев". Наконец, Коллонтай была на семь лет старше Сталина. И всё же, какая-то странная взаимная симпатия существовала в их взаимоотношениях почти четверть века: генсек постоянно помогал и защищал Александру Михайловну в её сложных жизненных перепрятках.

В своих личных дневниках Александра Михайловна, вопреки официальной версии о том, что "Сталин — это Ленин сегодня", ставит генсека выше Владимира Ильича. Описывая генсека на пленуме ВКП (б) 1934 года, она пишет: "Что-то в нём "магическое". Это сила великих натур. В нём сильно то излучение воли, которое подчиняет человека. Попадёшь в орбиту излучения, и уже нет сопротивления, своя воля "растворяется"... Ленин, например, этим свойством не обладал. Он подчинял себе людей силой логики, превосходством своего интеллекта. В присутствии Ленина человек оставался самим собой, с ним можно было спорить, доказывать. Обычно он побеждал в споре и этим обезоруживал. Со Сталиным сдаться сразу, ещё до спора. В этом его сила. Его воля такова, что её надо принять или отойти от него совсем".

Чингисхан называл это "длинной волей". ...Сталин сам говорил некоторым своим близким соратникам: "Моя dneвая норма чтения — страниц пятьсот". И так было почти в течение всей его сознательной жизни. Для этого ещё в юности период он выучил технику и приёмы скороотчтения. Чте-

ние пятисот страниц каждый день, несмотря ни на какие обстоятельства, стало для него одним из самых эффективных способов культивирования и развития личной воли.

2015 год. Каир. Я сижу с несколькими молодыми египтянами в кафе на самом берегу Нила. Мы обсуждаем проблему сравнительной эффективности политических технологий в кризисных ситуациях. Неожиданно речь заходит об историческом опыте Сталина. Один из моих собеседников — Ахмад, преподаватель университета, закончивший несколько лет назад УДН в Москве, — начинает возражать: "Но ведь Сталин был очень жесток, и принёс много страданий людям". И даже пытается аргументировать свою позицию.

— Ахмад, ты мусульманин? — Да. — Но очень похож на российского либерала... В Коране прямо сказано: "И даже лист с дерева не падает без позволения Аллаха". Всё происходит только по Его воле. Помнишь этот аят? — Да. — Следовательно, по Его воле Сталин был в нужном месте и в нужное время, вне зависимости от поздних конъюнктурных моральных оценок. И делал то, что следовало делать. Другое дело — насколько потом оказывается понятным людям многомерный смысл того или иного исторического явления.

1928 год. Сибирский край. В стране начинается голод. Предыдущий год оказался урожайным, но зажиточные крестьяне не спешили продавать хлеб государству, ожидая повышения закупочных цен. На литературном поезде Сталин обехал за три недели юг Сибири. Недалеко от Красноярка генсек специально поехал в богате село, где склады и амбары были переполнены пшеницей. Почти все сельчане собрались послушать "красного царя". Сталин чувствовал себя неважно, но гово-

рил жёстко и непривычно эмоционально. Он рассказывал о том, что в промышленных центрах страны сокращаются запасы хлеба, пайки уменьшаются, многие рабочие вынуждены работать полуголодными, дети пхнут от голода... Прямо напротив него стоял высокий, мощного телосложения — настоящий русский богатырь! — староста села, один из наиболее уважаемых крестьян. Он смачно лугал семечки, время от времени ехидно посмеивался и сплёвывал шелуху перед собой, почти на сапоги генсека. Когда же Сталин закончил своё выступление, староста выпрямился во весь свой впечатляющий рост, и громко, не торопясь, чтобы всем было слышно, сказал: "Вот тебе, грузин, я пшеничку дам! Отборную пшеничку. Ак целых четыре мешка. Ты только вот, того, стануш на сам сейчас...лезгинку". И он раскатиasto засмеялся, а вслед за ним — и его односельчане.

...А ведь он, как и все здесь собравшиеся, и есть народ. И, может быть, даже не самый худший. Хотя, если бы сейчас его спросить, то он честно и убеждённо ответил: "А какое мне дело до твоего народа? Главное — мои амбары полны, скотина жива и здорова, а то, что кто-то голодает, пхнут или даже умирает от голода — мало ли что происходит на свете. Если вы власть, то вы и думайте. Но в мои личные дела не лезьте... Народ для него — это вот конкретные соседи, сельчане, а не какой-то там абстрактный, нищий пролетариат..."

1935 год. Грузия. Озеро Рица. Генсек медленно идёт по тропинке вдоль берега с руководителем НКВД Ягодой.

— Поздравляю тебя Генрих с присвоением маршальского звания "Генеральный комиссар госбезопасности".

— Благодарю Вас, товарищ Сталин, за Вашу личную оценку моего труда.

— Нет, это коллективное решение Политбюро... А как ты думаешь Генрих, какие у нас есть дополнительные ресурсы, чтобы повысить долговременную эффективность наших спецслужб?

— В последнем отчёте, который мы послали Вам, товарищ Сталин, сформулированы основные направления такой работы... — Я это читал. Но я имею в виду другое... Ты знаешь, самый лучший учитель в жизни — твой враг. Его безжалостные уроки всегда бесценны, и если ты правильно а, самое главное, вовремя их усвоишь, то можешь остаться победителем. Если нет, то тебе в историческом плане придётся расплатиться по полной... — Вот, например, мне недавно сообщили, что в Североамериканских Штатах тамошние спецслужбы проводят специальную, широкомасштабную операцию в определённых нишах общества, чтобы побудить максимальное количество людей добровольно, без нажима и без вербовки, сообщать о всех недостатках, подозрительных персонажах, странных событиях, происходящих на местах.

А в Германии фашисты, пришедшие к власти, поставили, в преддверии надвигающейся войны, политическую задачу, чтобы каждый немец считал своим важнейшим патриотическим долгом информировать соответствующие государственные органы о всех негативных процессах, о всех подозрительных лицах. Причём каждый должен знать, куда и как сообщать, будучи уверен, что его информация нужна государству. — Я понял, товарищ Сталин. — Я знаю, Генрих. Ты сможешь решить эту важнейшую задачу.

Сталин внутри себя иронически улыбнулся: у него уже были убедительные дан-

официально называли "Президент СССР", "Всесоюзный староста", прежде чем открыть дверь, осторожно пригласил свой пробор. Эта встреча очень нужна была Михаилу Ивановичу.

Калинин вошёл в кабинет, намеренно старчески шаркая ногами, подошёл к знакомому письменному столу. Сталин медленно встал и протянул руку. Генсек был в сумрачном, настороженном настроении: он уже знал, зачем так настойчиво добивался встречи с ним "всесоюзный староста".

— Товарищ Сталин, я попросил Вас принять меня по глубоко личной причине.

Именно в этот момент Калинин, как оказалось со стороны, совершенно искренне заплакал. Слезы вытекали у него из-под очков, перемещались по буйристой коже щёк и скрывались в аккуратно подстриженной бороде. Он плакал громко и навзрыд. — Успокойтесь Михаил Иванович! Возьмите себя в руки! Что случилось! — спокойно, но предельно участливо спросил Генсек.

— Суд приговорил мою жену, Екатерину Ивановну, к десяти годам. Я не хочу сейчас говорить, виновата она или не виновата... Я хочу только сказать, что она очень большая женщина, и она не выдержит...

Продолжая всхлипывать, Михаил Иванович начал говорить о своей жене. Сталин слушал, не перебивая, продолжая пристально смотреть на "Президента СССР". В последние годы он всё больше недолюбливал Калининa, поскольку хорошо знал его недостатки и пороки, в том числе — о его нездоровой "любви" к молодым балеринам. Он знал, что Екатерина Ивановна Калининa несколько раз уходила от "любвеобильного" Михаила. Один раз даже уехала на Дальний Восток.

Впрочем, увлечение юными балеринами было не единственным недостатком Михаила Ивановича.

Калинина, после смерти Якова Свердлова, выдвинул на эту должность Ленин, для которого Михаил Иванович был зримым об-

запняясь, сказал несколько предложений: из какой области, каков приход, сколько лет служил...

Сталин, не отвлекаясь, жёстко смотрел на него. Потом внезапно сказал: "Меня бо-ишься, а Его — нет".

"Первым, с кем я познакомился понастоящему в семинарии, был Гия. Тогда по своим знаниям, своему умственному развитию он был гораздо выше меня, хотя по возрасту был старше только на два года. Гия приехал из Зугдиди, и был уже тогда очень болен. Мы дружили с ним полтора года, до самой его смерти. Он мне многое дал. Но я ему, прежде всего, благодарен за то, что он не пытался снабжать меня готовыми ответами, а постоянно подвигал к тому, чтобы искать свой путь к разрешению внутренних сомнений... Именно Гия впервые мне сказал, что церковь всегда была за сохранение крепостного права, и она была против реформы 1861 года. Он мне рассказав, что грузинских крепостных в своё время массово вывозили в Стамбул, чтобы продавать как рабов на рынках. И церковь не только не вмешивалась, но даже поддерживала всю эту мерзость..."

2016 год. Москва. В Белом доме, в присутствии президента России, идёт расширенное заседание правительства. Выступает министр сельского хозяйства и одновременно — один из самых крупных землевладельцев страны. С видимым упоением, захлебываясь, он рассказывает о "небывалых", "грандиозных" успехах во вверенном ему министерстве, в том числе — и по экспортной линии. "Мы начали, например, экспортировать отечественную свинину в десятки новых стран". Перечисляет их, в том числе и очень далёкую Индонезию. Тут президент засмеялся и прервал докладчика: "Но Индонезия — страна мусульманская, там свинину не едят". Почти все присутствующие по-доброму захихикали. И даже сам министр как-то застенчиво, с детской улыбочкой широко улыбнулся: мол, ну, да, ошибся немного, с кем не бывает в нашем кругу? А потом как ни в чём не бывало продолжил свой восхитительно-оптимистический доклад...

"Когда высшая власть начинает обманывать саму себя, то низжестоящие чины, в свою очередь, начинают массово подкачивать и подражать... Жизнеспособное государство держится только на правде. Ложь, окочивательство, показуха, прямая и косвенный обман неминуемо приближают гибель. Достаточно вспомнить царскую Россию!..."

1939 год. Осень. Москва. Коллонтай позвонили и пригласили в Кремль. Эта последняя встреча продлилась почти два часа: Сталин впервые так откровенно раскрылся ей. Когда она вернулась в гостиницу, было уже два часа ночи. Александра Михайловна тщательно записала то, что сказал генсек:

"Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплёваны, прежде всего, за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он всё ещё расматривает Россию как варварскую страну, как сырьевую придаток".

"И моё имя тоже будет обоглано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний..."

"В целом в будущем развитие пойдёт более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идёт к тому, что особенно возбудит-ся Восток. Возникнут острые противоречия с Западом..."

"И всё же, как бы ни развивались события, но пройдёт время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Своё будущее они будут строить на нашем прошлом!"

Владимир Винников РЫВОК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О цивилизационном подвиге товарища Сталина

КОГДА РЕЧЬ ЗАХОДИТ о значении фигуры Сталина для отечественной и мировой истории, сторонники "вождя народов", нередко приводят фразу: "Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой", следом за приснопамятной Ниной Андреевой приписывая эти слова Уинстону Черчиллю. Образ, несомненно, яркий и запоминающийся, но он, по большому счёту, искажает, умаляет и принижает суть совершенного Иосифом Виссарионовичем цивилизационного подвига.

Давайте рассмотрим внутренний смысл этой формулы. "Сох" в ней — пусть достаточно древний, "отсталый", но всё-таки инструмент производства: с помощью которого люди сотни лет пахали землю, чтобы вырастить и собрать урожай. А что такое "атомная бомба"? Это — пусть самое мощное и "передовое", высокотехнологичное, но всё-таки оружие массового уничтожения. Следовательно, "сталинисты", повторяя данную фразу, по сути, ставят "в заслугу" Сталину то, что он отсталую аграрную страну превратил в мощное милитаризованное государство, представляющее угрозу для остального мира, да и для собственного населения — тоже. Это типичная "похвала врага", принимать которую всерьёз — всё равно, что принимать медленно действующий яд.

Стоит заметить, что сам Сталин создание атомной бомбы каким-то особым достижением ни для себя, ни для советского народа и государства — не считал. Все его известные высказывания на эту тему сводились к тому, что создание и наличие этого оружия необходимо для уничтожения американской монополии на него, для укрепления обороноспособности и безопасности СССР, но такими и даже ещё более мощными, термоядерными, бомбами войны не выигрываются, а мир не обеспечивается. Последующая история подтвердила абсолютную справедливость этих сталинских оценок.

У данной красиво сделанной фразы есть ещё более глубокий и ещё более ядовитый смысловой уровень. Ведь и "соха", и "атомная бомба" суть вещи материальные, физические, и в рамках данного противопоставления мы остаёмся полностью внутри "вещного мира". И если все достижения и заслуги Сталина сводятся к измением этого вещного мира, то речь идёт исключительно о приближении к "потребительскому раю" в духе хрущёвского псевдокоммунизма к 1980 году и "конвергенции двух систем".

Впрочем, "первосточник", польско-британский историк Исаак Дойчер, в своей статье о Сталине 1965 года для Encyclopædia Britannica высказался несколько иначе и намного тоньше: "Он был создателем плановой экономики; он получил Россию, пахущую деревянными плугами, и оставил её оснащённой ядерными реакторами; и он был "отцом победы". Как видим, здесь речь идёт не о "бомбе", а об источнике атомной энергии, плюс упоминается Победа 1945 года, которую при всём желании не полу-

чится свести к противостоянию материальных средств ведения войны: танков, пушек, подлодок, самолётов и так далее. Разумеется, без всего этого: без "тридцатчетвёрков", "катюш", "илов", ПГШ и прочей техники разгромить и уничтожить Третий рейх, в союзнках у которого была практически вся континентальная Европа, было невозможно. Но Победа 1945 года была, прежде всего, победой советского общества и тех советских людей, которые, от рывков до маршалов, сражались на фронтах, трудились в тылу, противостояли немецко-фашистским агрессорам на оккупированных территориях нашей страны, — советского народа и советского государства...

Только поэтому Советский Союз, вдвое уступаая странам-агрессорам по численности населения и почти втрое — по экономическому потенциалу, потеряв на пике отступления осенью 1942 года почти половину своей европейской территории и почти треть населения страны, смог практически в одиночку перемолоть много-миллионные армии вторжения, дойти до Берлина и воздвигнуть Красное знамя над зданием Рейхстага.

Не будем забывать о том, что именно при Сталине, и не раз, а дважды на протяжении срока одной человеческой жизни произошло чудо восстановления страны: сначала — после Первой мировой и гражданской войн, а затем, в ещё более короткие, почти немислимые с исторических позиций сроки, — после Великой Отечественной. Стороннему наблюдателю может показаться, что "отец народов" знал какую-то тайну, какой-то секрет возрождения своей страны из пепла войны и разрухи, недоступный ни его предшественникам, ни его преемникам.

Всё это — под руководством Сталина — стало возможным только потому, что его главным достижением было создание нового типа общества и — в нём, вместе с ним — массовое формирование нового типа человека, с особой системой ценностей, с особым образом мыслей и действий. Своих Стахановых, Матросовых, Космодемьянских, Талалихиных и Гастелло — даже в одиночном, а не многомиллионном измерении — ни у немцев, ни, тем более, у их союзников не было. Как не было их ни у англичан, ни у американцев, ни у французов. Были асы, были мастера, были маги, были даже фанатики — не было подвижников, готовых "пожизнить живот свой за други своя". А в Советском Союзе они были. Не в виде исключений и не в виде общего правила, но как масса "несущих опору", сломать которую силой внешнего воздействия не удалось.

В 1931 году Сталин произнёс воистину пророческие слова о том, что наша страна отстала от передовых капиталистических стран на 50 или даже 100 лет, и о том, что нужно "пробегать" эту дистанцию за 10 лет — "иначе нас сожмут". И такой рывок был совершён. Не только благодаря коллективизации-индустриализации

30-х годов, но и — в первую очередь, прежде всего! — благодаря тому, что получило название "культурной революции".

Даже тот язык, на котором все мы сегодня говорим и пишем, был создан и внедрён при Сталине. На него было переведено множество шедевров мировой культуры. На нём велось государственное образование всех ступеней, и был создан тот культурный стандарт, которым мы пользуемся и поныне. На тот, советский русский язык, были "переведены" с древояночной орфографией все "классики" отечественного прошлого. Само понятие "классики" применительно к отечественной культуре, не говоря уже про собственно "классический" канон, — появилось при Сталине. Пушкин стал воистину народным поэтом только в 1937 году, через сто лет после своей гибели. Сначала изы-читались, а потом библиотеки появились буквально во всех уголках Советского Союза. С фундами не только на русском, но и на других национальных языках — включая даже те, на которых до революции не было собственной письменности. Стотысячные тиражи книг и периодических изданий стали обычным делом — у них возник массовый, образованный и "тренируванный" в рамках средней и высшей школы читатель.

"Сталинскую" систему образования, в рамках которой исповедовался принцип "знать — значит уметь", не случайно называли "элитным образованием для всех". Сама система образования не ограничивалась функциями познания и воспитания (включая идейно-политическое) — она предполагала также активную трудовую деятельность, плюс обязательные занятия физкультурой и спортом. Внедрение в медицину — на государственном уровне — социально-профилактических принципов, в том числе — применительно к эпидемическим и профессиональным болезням, позволило спасти десятки миллионов жизней, а в годы войны — резко снизить смертность и инвалидность после ранений ("война — травматическая эпидемия").

За годы Великой Отечественной советские военные медики вернули в строй более 17 миллионов солдат, в том числе — 72,3% раненых и 90,6% больных. Показатели вермахта были почти в полтора раза ниже, не говоря уже про войска государств-союзников Третьего рейха. Тем более — не возникло никаких эпидемий ни на фронте, ни в тылу воюющей страны.

Разработанная при Сталине эстетика создания социального пространства: от эргономики рабочих мест до архитектуры городов и заводов, плотин ГЭС и планов "преобразования природы" — до сих пор заволаживает масштабами, красотой форм и изысканной эффективностью решений.

Творческие способности людей всех возрастов активизировались и развивались на всех уровнях государственной власти и общественной жизни: от сельсовета до правительства СССР существовала система различных конкур-

сов, выставок, олимпиад, по итогам которых присуждались различные премии и другие награды. Количество кружков, секций, студий, клубов "по интересам" исчислялось десятками, если не сотнями тысяч. Радио, кино, театры (телевидение в те годы ещё не имело массового распространения), как и детские сады, школы, учреждения среднего специального образования, вузы и так далее создавали единое для страны коммуникативное и смысловое пространство с максимальным охватом общества. И эти смысловые, ценностные коммуникации "сшивали" всё советское общество не менее прочно, чем железные дороги, единые электрические сети, системы связи и государственные стандарты.

Проблема Российской империи начала XX века состояла как раз в том, что внутри неё существовало "две России", и объединить их, да ещё "мирным", "эволюционным" путём в условиях жестокой схватки империалистических держав, для которых наша страна представляла собой "расходный материал", было объективно невозможно задачей. Точно так же объективно было невозможно реализовать имевшийся у страны потенциал ускоренного системного развития: "западный" капитал не только выкачивал из России баснословные прибыли, опутав её сетью концессий и займов, но и подчинял её своей воле, постепенно лишая политической субъектности и территориальной целостности. Если рассматривать отечественную и мировую историю первой половины XX века хотя бы с минимальной степенью объективности, никаких сомнений в этом факте не остаётся.

Сталин, как известно, в молодости своей писал стихи на грузинском языке, которые тогда же были включены в ряд антологий современной грузинской литературы — разумеется, не за высокие социальные положение автора, а за их художественные достоинства. "Поэт" в переводе с греческого языка означает "творец". И творческое начало у Сталина было невероятно сильным. Оно, условно говоря, будучи изначально "огненным", распространилось на все метафизические "стихии" и их взаимодействия между собой. Поэтому не удивительно, что вопросы культуры и искусства, наряду с другими проблемами государственного и общественного строительства, никогда не выпадали из сталинского фокуса зрения — он не только был в курсе происходящих в этой сфере событий и тенденций, но и во многом направлял их развитие, в том числе — через систему творческих союзов, представлявших собой то, что ныне именуется "государственно-частным партнёрством". Мы чаще всего знаем и помним об этом благодаря весьма многочисленным "сталинским" анекдотам и другим фольклорным жанрам, где "отец народов" предстаёт в них в качестве не "царя", но "судьи", приговор которого может быть суровым, даже жестоким, но справедливым.

Важно, что Сталин при этом оценивал любые артефакты культуры и искусства не столько в категориях прекрасного/безобразного или добра и зла, а в актуальных категориях должного и не должного, что можно расценивать как ситуативный прагматизм, а можно — как признание "неисповедимости путей Господних". Учитывая семинарское прошлое Иосифа Виссарионовича и его опыт монастырской жизни, лично я склоняюсь ко второму варианту. О том, насколько прочным

оказалось созданное им коммуникативное пространство советской цивилизации, можно судить по отечественной истории с 1953 года вплоть до нынешнего дня. И, разумеется, это было бы невозможно без непрерывной преемственности с предшествующей традицией цивилизации русской. И если в государственно-политическом измерении Сталин выступает продолжателем дела Владимира Великого, Ивана Грозного и Петра I, то в духовном отношении его предшественники — всё тот же Креститель Руси Владимир Великий и Сергей Радонежский. Эта "двойная спираль" генетического кода отечественной истории прослеживается абсолютно чётко.

Но одной его "нити", государственно-политической, как правило, уделяется повышенное внимание, в то время как существование второй всё время замалчивается или даже открыто отрицается. Тем самым связь этих "нитей" разрывается, создавая возможности для попыток "редактирования генома русской цивилизации" извне.

Владимир Великий, выбрав православную веру и крестив Русь, ввёл восточнославянские племена в число великих цивилизаций, со своей письменностью и культурой, памятники которой, от киевского храма Софии и церкви Покрова на Нерли до "Слова о полку Игореве", являются всемирным достоянием человечества. Сергей Радонежский создал и воплотил в жизнь свой монастырский устав как главную основу русской цивилизации. За сто лет после его смерти возникло более четырёхсот монастырей, каждый из которых был одновременно и военно-политическим, и социально-экономическим, и духовно-культурным центром, создавая основу для объединения удельных княжеств в единое централизованное русское государство.

Противники Сталина говорят о том, что он создал государство-концлагерь. "Архипелаг ГУ-ЛАГ" размером в одну шестую планеты, где "половина страны сидела, а вторая охраняла". "Сидела", как выясняется, далеко не половина и даже не третья часть — всего за четверть века сталинской власти через места заключения — с учётом повторных сроков — прошло около 20 миллионов человек, или менее 10% текущего населения страны. Да, в правящей верхушке советского общества сталинских времён доля репрессированных была намного выше, но это и понятно. Но цели "всех расстрелять" или "всех посадить" у Сталина при этом явно не было: на мой взгляд, он создавал не "государство-концлагерь", а "государство-монастырь" — в котором спасение было целью и должно было стать уделом не отдельных людей, а целых народов, и в перспективе — всего человечества. А пресловутые "враги народа" сталинских времён, похоже, были всего лишь "классовыми" персонализациями "врага рода человеческого".

Прорывы, подобные тому, который совершила русская цивилизация при Сталине, в истории происходят не каждый год и даже не каждый век. Их энергия всегда является энергией синтеза, а не привычной энергией распада, "термоядерной реакции", "белой дырой", там действуют принципиально иные законы и силы, а в результате получается нечто невероятный артефакт, который затем проходит испытание "дедешним" временем, вторым началом термоядерными и так далее. Что, собственно, мы и наблюдаем применительно к нынешней, "постсталинской" и "постсоветской" России.